

Г. В. ФЕДЮНЕВА (СЫКТЫВКАР)

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ И ДИВЕРГЕНЦИЯ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ*

Abstract. Ethnic contacts and the divergence of the Permic languages

The article calls attention to the fact that the dialectal diversity of a language, present on every stage of its development, is not always taken into account in historical-etymological investigations. Four cases of divergence in the grammatical system of primary pronouns of the Permic languages, which are traditionally traced to common Proto-Permic etyma have been discussed. Based on the idea that processes of divergence have been going on uninterrupted from the earliest times up to the final formation of the languages, the author reaches the conclusion that the divergence must have had its source in the dialectal diversity of Proto-Permic, which in turn continued the dialectal diversity of preceding language states, and in the contacts of the Proto-Permians with neighbouring peoples.

Keywords: Permic languages, divergence, primary pronouns.

Известно, что дивергенция — основной путь формирования языковой семьи после распада общего для них праязыка, когда диалектные расхождения становятся такими существенными, что их носители перестают понимать друг друга. Диалектная неоднородность порождается внутриязыковой вариативностью, которая является объективной формой существования языка и присуща ему на любой стадии развития. Углублению этой неоднородности способствуют многие факторы, в том числе этнические контакты родственных племен между собой¹ и с соседями. Следовательно, формирование современных языков надо понимать как непрерывный процесс дивергенции древних диалектных ареалов в их подвижности и проницаемости.

Эти положения в принципе невозможно оспаривать, однако в практике историко-этимологических исследований они, как правило, не учитываются. Основное внимание уделяется реконструкции общих архетипов, из которых с более или менее убедительной аргументацией можно вывести расхождения, наблюдаемые в современных язы-

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН в 2012—2014 гг. «Истоки и традиции уральских культур: пространственно-временная динамика».

¹ Не исключая, впрочем, конвергенцию и нивелировку диалектных различий.

ках. Между тем, многие «загадочные» явления исторической грамматики, плохо объясняемые с точки зрения гомогенного праязыка, могут получить новое освещение, если принять во внимание его диалектную неоднородность, инновационное развитие отдельных ареалов, а также учесть влияние других языков — один из важнейших импульсов инноваций.

Надо сказать, что в рамках теории родословного древа контакты обычно рассматриваются как межъязыковые, хотя понятно, что в древности реально соприкасались друг с другом носители конкретных языковых вариантов и, соответственно, результаты контактов отражались прежде всего в их диалектах, не обязательно распространяясь на все пространство праязыка.

Современные коми и удмуртский языки, по принятой классификации близкородственные, несомненно, восходят к общему источнику — общепермскому праязыку. Их объединяют как многочисленные грамматические схождения, так и общая лексика. Однако нельзя не видеть и существенных различий, свидетельствующих о достаточно ранней дивергенции прапермской этноязыковой общности. Вопрос о времени и причинах ее распада остается дискуссионным во многом из-за недостаточной разработанности исторической фонетики, грамматики и лексикологии, а также расхождений во взглядах на проблему лингвистов, археологов, представителей других смежных дисциплин. Имеющиеся данные позволяют лишь в самом общем виде представить границы этой общности во времени и пространстве.

Хрестоматийно картина формирования современных пермских народов представляется следующим образом. Выделившиеся в середине II тыс. до н. э. из финно-пермской общности прапермские племена в течение длительного времени составляли известное этноязыковое единство, проживая на достаточно компактной территории Прикамья. Распад прапермской общности произошел около VIII в. н. э. В это время в Среднем Поволжье возникло Булгарское государство, в состав которого вошла и часть проживавших на этой территории прапермян. Часть племен мигрировала со своей исторической прародины, постепенно расселяясь на обширной территории от Нижней Камы до Вычегды и Печоры. Фактор пространства сыграл решающую роль в дивергенции родственных народов, окончательно обособившихся в северной и южной частях этой территории примерно к X в. н. э. (Основы 1976 : 99).

Предлагаемая модель развития сегодня уже не кажется единственно возможной. Постулат бездиалектного праязыка и «компактной», территориально ограниченной прародины, вызывает вопросы с точки зрения типологии этногенеза, а миграционная теория, выдвинутая Ю. Вихманом еще в начале XIX в., не подтверждается археологическими данными. Хотя присутствие булгар на юге пермского ареала является доказанным историческим фактом, археологи не находят следов мощных миграционных потоков пермян в северном направлении в конце I тыс. н. э. Хронотопные рамки праязыка, являющиеся скорее традицией, чем доказанным фактом, ограничивают возможности лингвистических интерпретаций, заставляя исследователя сводить расхождения в родственных языках к «непротиворечивой» системе праязыка, который, по определению, был вариативным.

По-видимому, более перспективно для лингвистики является понимание дивергенции как непрерывного процесса языковых изменений, который трудно (невозможно?) ограничить временными или территориальными рамками. «Если речь идет о распаде пермской языковой общности в IX веке, то это не равнозначно разветвлению некой гомогенной языковой системы в Камско-Вятском бассейне. Нет причин полагать, что коми-удмуртские различия сложились лишь в последнем тысячелетии. Так называемый пермский праязык был лишь условной теоретической общностью, ранние пределы которой вряд ли смогут определить даже археологи, поскольку лесной пояс заселяли как на севере, востоке, так и на западе родственные племена — звенья цепочки, состоящей из языковых вариантов» (Хаузенберг 1999 : 158). Естественной формой существования древней общности должен был быть этноязыковой континуум, внутри которого группы носителей разных диалектов, находившиеся в удаленных точках этнического ареала, отдалялись друг от друга, сохраняя при этом культурную и языковую близость с находившимися по соседству племенами.

С. К. Белых, специально занимавшийся проблемой распада прапермской языковой общности, считает, что только в начале II тыс. н. э., когда в результате миграций пермские племенные группировки расселились на огромной территории, «создалась ситуация, в которой общепермское единство перешло в качественно новую, финальную свою фазу — фазу диалектного и этнокультурного континуума (непрерывности в пространстве)» (Белых 2009 : 120). Однако многие факты, в том числе и приведенные ниже, позволяют предполагать, что ситуация диалектного континуума с самого начала была присуща как пермскому праязыку, так и более ранним праязыковым состояниям.² Понятно, что чем большую территорию занимала праязыковая общность, тем больше вероятности, что носители разных диалектных вариантов в разных частях континуума вступали в контакты с разными соседними группами и, соответственно, эти контакты имели разные результаты.

Если принять во внимание исследования, в которых ареал возможного обитания финно-пермского населения располагается на достаточно широкой территории, включающей верховья Печоры и северный Урал, логично предположить, что северные территории в доисторические времена были заселены этническими группами родственных племен, несмотря на языковые различия, составлявшие известный этноязыковой континуум. В их числе должны были быть и прапермяне,³ которые, как и другие родственные племена, прожива-

² Ситуация этнокультурного континуума, по-видимому, типична для древних сообществ, например, О. Н. Трубачев считает, что лингвистическая концепция пространственного индоевропейского диалектного континуума методологически более перспективна, нежели постулат «додиалектного» единства. «Язык не бывает бездиалектным, самобытность древних диалектов может быть и большей, а язык существует — один, олицетворяя реальное единство в сложности, если пространственный континуум диалектов перекрывается выработанным ими же междиалектным и наддиалектным объединяющим слоем» (Трубачев 2002 : 156; 166).

³ Разумеется, они не были непосредственными предками современных коми и удмуртов, а только носителями древних финно-пермских прадиалектов, которые так или иначе могли принять участие в формировании пермских языков.

ли и компактными группами, и дисперсно.⁴ Такое расселение предполагает принципиальную возможность прямого контактирования прапермян с «непермоязычными» соседями, которые имели сходный образ жизни и говорили на родственных языковых вариантах. Импульсы к инновациям, возникавшие в результате их соприкосновения, не могли охватить всего праязыка, накапливались в отдельных ареалах и, в конечном счете, привели к тому состоянию, которое позволяет сегодня говорить о самостоятельных коми и удмуртском языках.

Об этом убедительно свидетельствуют первичные местоимения пермских языков — наиболее древний разряд лексики, организованный в устойчивую грамматическую систему и потому мало подверженный изменениям. Сохранность основных элементов (дейктических корней) местоимений позволяет проследить динамику структурных изменений, начиная с самых ранних периодов глоттогенеза, и выявить причины расхождений в современных языках. Системное исследование пермских местоимений привело нас к убеждению, что эти различия объясняются только двумя (часто выступающими совместно) причинами: древней диалектной вариативностью и внешними контактами.

Некоторые примеры.

1. О наличии в древности диалектных различий свидетельствуют личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа, которые, несмотря на общность первичных уральских корней **mз-* и **tз-*, имеют различия как в номинативе (коми *ме* ~ удм. *мон 'я'* — коми *тэ* ~ удм. *тон 'ты'*), так и в формах склонения (см. табл. 1).

Исследователи давно обратили внимание на факультативность использования суффикса *-n* в коми языке, однако объясняли это исходя из понимания праязыка как гомогенного образования: коми язык утратил *-n* в номинативе (*me, te* < **men, *ten*) или, напротив, сохранил архаичные формы, в отличие от удмуртского, в котором произошла суффиксация по аналогии с формами косвенных падежей. Если же принять во внимание объективную вариативность языка, все сразу становится на свои места.

Суффикс *-n* имеет надежную доуральскую этимологию. Он последовательно обнаруживается в личных и вопросительных местоимениях как древний маркер лица, личности (Майтинская 1962 : 68). Однако местоимения 1-го и 2-го лица в номинативе не нуждаются в специальном маркировании одушевленности, поскольку говорящий и его собеседник объективно являются субъектами речевой ситуации. Следовательно, функция суффикса в этой позиции, по определению, была факультативной. Закономерно суффикс появлялся в аккузативе, маркирующем собеседников в семантической роли пациенса. Косвенным свидетельством в пользу этого положения может служить тот факт, что в косвенных падежах суффикс *-n* имеется во всех финно-угорских языках, тогда как в номинативе его использование необязательно или даже исключено, как, например, в коми, мансийском, водском, ижорском языках (см. табл. 2).

⁴ По-видимому, это также типологическая черта древних этносов. Ср., например: «Необходимо считаться с подвижностью праславянского ареала [---] вообще с фактом сосуществования разных этносов даже внутри этого ареала, как и в целом со смешанным характером заселения древней Европы, далее — с неустойчивостью этнических границ и проницаемостью праславянской территории [---] Отдельность этноса не исключала его дисперсности, а для древней поры просто обязательно предполагала ее» (Трубачев 2002 : 15).

Таблица 1

Склонение местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа
в пермских языках

	Коми язык		Удмуртский язык	
номинатив	<i>ме 'я'</i>	<i>тэ 'ты'</i>	<i>мон 'я'</i>	<i>тон 'ты'</i>
аккузатив	<i>менӧ</i>	<i>тэнӧ</i>	<i>монэ</i>	<i>тонэ</i>
генитив	<i>менам</i>	<i>тэнад</i>	<i>мынам</i>	<i>тынад</i>
аблатив	<i>менсьым</i>	<i>тэньсьыд</i>	<i>мынэсьтым</i>	<i>тынэсьтыд</i>
датив	<i>меным</i>	<i>тэныд</i>	<i>мыным</i>	<i>тыныд</i>
каритив	<i>метӧг</i>	<i>тэтӧг</i>	<i>монтэк</i>	<i>тонтэк</i>
инструктив	<i>меӧн</i>	<i>тэӧн</i>	<i>монэн(ым)</i>	<i>тонэн(ыд)</i>
комитатив	<i>мекӧд</i>	<i>тэкӧд</i>	–	–
конзекутив	<i>мела</i>	<i>тэла</i>	–	–
инессив	<i>меын</i>	<i>тэын</i>	–	–
элатив	<i>меысь</i>	<i>теэысь</i>	–	–
иллатив	<i>(меӧ)</i>	<i>(тэӧ)</i>	–	–
аппроксиматив	<i>мелань</i>	<i>тэлань</i>	<i>монлань</i>	<i>тонлань</i>
эгротив	<i>месянь</i>	<i>тэсянь</i>	–	–
терминатив	<i>меӧдз</i>	<i>тэӧдз</i>	–	–
преклюзив	<i>меся</i>	<i>тэся</i>	–	–
адверсатив	–	–	<i>монъя</i>	<i>тонъя</i>

Таблица 2

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа
в финно-угорских языках

Язык	1-е лицо	2-е лицо
саам.	<i>tonn, tun</i>	<i>tonn, ton</i>
фин.	<i>minä</i>	<i>sinä</i>
эст.	<i>mina/ma</i>	<i>sina/sa</i>
лив.	<i>minà</i>	<i>sinà</i>
вепс.	<i>mina</i>	<i>sina</i>
кар.	<i>minä/mie</i>	<i>šinä/šie</i>
вод.	<i>miä / ген. minū</i>	<i>siä / ген. sinū</i>
иж.	<i>miä / ген. miun</i>	<i>siä / ген. siun</i>
морд.	<i>mon</i>	<i>ton</i>
удм.	<i>mon</i>	<i>ton</i>
коми	<i>me / акк. menɛ</i>	<i>te / акк. tenɛ</i>
мар.	<i>məj/məń</i>	<i>təj/tjń</i>
хант.	<i>ma / акк. majt</i>	<i>nəŋ / акк. nəŋjt</i>
манс.	<i>am / акк. anum</i>	<i>naŋ / акк. naŋjn</i>
венг.	<i>én</i>	<i>te/ten-</i>

В пермистике существует мнение, что аккузатив в допермское время имел суффикс *-m*, который отпал еще в прапермский период (доперм. **m3-n3-m3* > праперм. **m3-nem* > **m3-ne* > удм. *монэ* > коми *менӧ* 'меня'). На его месте в общепермский период появился суффикс *-es* с определительно-выделительным значением (Основы 1976 : 146 и др.). Однако падежная маркировка прямого объекта, не облигаторная для современных языков, как известно, не была обязательной и для предыдущих праязыковых состояний. Актуальной коннотацией пациенса было и

остаётся маркирование определенности, личности, одушевленности (коми *быдтыны сю* 'вырастить рожь', но *быдтыны кагабс, мортос* 'вырастить ребенка, человека'). Неслучайно в функции аккузативных формантов в пермских языках выступают суффиксы, содержащие определенно-личные значения, например, коми *сета пибс* '(я) отдам (своего) сына', *сет питö* '(ты) отдай (своего) сына', *сетö писö* '(он) отдает (своего) сына'. Логично предположить, что аккузатив личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа также сформировался не в результате «утраты суффикса аккузатива **-т*», а с помощью местоименного суффикса **-пз* — маркера личности, одушевленности. Это объясняет и тот факт, что т. н. грамматические падежи (генитив, аблатив, датив) образованы от «лично маркированной» основы аккузатива, а конкретные — от «нейтральной» номинативной. По нашему мнению, формирование аккузатива и, соответственно, всей падежной парадигмы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в зоне праудмуртских диалектов уже имело свою специфику, поскольку этот маркер присоединялся не к чистой основе, как в пракоми диалектах, а к суффиксированной (подробнее Федюнева 2008 : 22).

2. Другой пример. Приведенная парадигма склонения местоимений 1-го и 2-го лица в единственном числе, несмотря на имеющиеся различия, несомненно, является общепермским достоянием, чего нельзя сказать о парадигме множественного числа, которая существенно различается в коми и удмуртском языках. Если в удмуртском падежные формы образованы по типу местоименного склонения в единственном числе, т. е. с помощью лично-притяжательных суффиксов, то в большинстве коми диалектов — с помощью стандартных суффиксов именного склонения (табл. 3). Несмотря на идентичность номинатива

Таблица 3

Склонение местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа
в пермских языках

	Коми язык		Удмуртский язык	
ном.	<i>ми 'мы'</i>	<i>ті 'вы'</i>	<i>ми 'мы'</i>	<i>ті 'вы'</i>
ген.	<i>миян</i>	<i>тіян</i>	<i>миям</i>	<i>тіляд</i>
акк.	<i>миян-öс</i>	<i>тіян-öс</i>	<i>милемды (ыз)</i>	<i>тіледды (ыз)</i>
абл.	<i>миян-лысь</i>	<i>тіян-лысь</i>	<i>милесьтым</i>	<i>тілесьтыд</i>
дат.	<i>миян-лы</i>	<i>тіян-лы</i>	<i>милем (лы)</i>	<i>тілед (лы)</i>
кар.	<i>миян-тöг</i>	<i>тіян-тöг</i>	<i>митэк</i>	<i>тітэк</i>
инстр.	<i>миян-öн</i>	<i>тіян-öн</i>	<i>милемын</i>	<i>тіледын</i>
			<i>миленымы</i>	<i>тіленыды</i>
ком.	<i>миян-кöд</i>	<i>тіян-кöд</i>	—	—
конз.	<i>миян-ла</i>	<i>тіян-ла</i>	—	—
инес.	<i>миян-ын</i>	<i>тіян-ын</i>	—	—
элат.	<i>миян-ысь</i>	<i>тіян-ысь</i>	—	—
илл.	<i>миян-ö</i>	<i>тіян-ö</i>	—	—
аппр.	<i>миян-лань</i>	<i>тіян-лань</i>	<i>милань</i>	<i>тілань</i>
эгр.	<i>миян-сянь</i>	<i>тіян-сянь</i>	—	—
терм.	<i>миян-öдз</i>	<i>тіян-öдз</i>	—	—
прекл.	<i>миян-ся</i>	<i>тіян-ся</i>	—	—
адверс.	—	—	<i>мия</i>	<i>тія</i>

(коми, удм. *mi* 'мы', *ti* 'вы'), формы косвенных падежей образуются от разных основ: в коми — от основы генитива *mijan-/tijan-*, в удмуртском — основы *mil'-/til'-*. Попытки вывести эти различия из общепермского архетипа не имели успеха, хотя предпринимались неоднократно, начиная с И. Буденца и Т. Уотилы (Серебренников 1967 : 194—198; Основы 1974 : 232; Uotila 1936 : 468, 474; Rédei 1998 : 346; Bartens 2000 : 153; Csúcs 2005 : 231—233; и др.).

Нетрудно заметить, что удмуртские местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа склоняются по типу местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа, в обоих случаях используются лично-притяжательные суффиксы 1-го и 2-го лица единственного числа: *мынам* 'мой' — *милям* 'наш', *мынэсьтым* 'у меня' — *милесьтым* 'у вас', *мыным* 'мне' — *милем* 'нам', тогда как коми местоимения во множественном числе изменяются как имена существительные: *мена* 'мой', но *миянлӧн* 'наш', *менсьым* 'у меня', но *миянлысь* 'у нас', *меным* 'мне', но *миянлы* 'нам' и т. д. Парадигма образуется не от генитива, как принято считать (Основы 1974 : 165), а от основы *mil'-/til'-*, содержащей некий модифицирующий элемент; к ней (в том числе и при образовании генитива) добавляются лично-притяжательные суффиксы, что больше напоминает марийский тип склонения (табл. 4), нежели коми.

Таблица 4

Склонение местоимений 1-го и 2-го лица
в удмуртском и марийском языках

	Удмуртский язык		Марийский язык	
	единственное число	множественное число	единственное число	множественное число
ном.	<i>мон</i> 'я' <i>тон</i> 'ты'	<i>ми</i> 'мы' <i>тй</i> 'вы'	<i>мый</i> 'я' <i>тый</i> 'ты'	<i>ме</i> 'мы' <i>те</i> 'вы'
ген.	<i>мынам</i> <i>тынад</i>	<i>милям</i> <i>тйляд</i>	<i>мыйын</i> <i>тыйын</i>	<i>мемнан</i> <i>тендан</i>
акк.	<i>монэ</i> <i>тонэ</i>	<i>милемды</i> <i>тйледды(ыз)</i>	<i>мыйым</i> <i>тыйым</i>	<i>мемнам</i> <i>тендам</i>
дат.	<i>мыным</i> <i>тыныд</i>	<i>милем(лы)</i> <i>тйлед(лы)</i>	<i>мыланем</i> <i>тыланет</i>	<i>мыланна</i> <i>тыланда</i>
абл.	<i>мынэсьтым</i> <i>тынэсьтыд</i>	<i>милесьтым</i> <i>тйлесьтыд</i>		
инстр.	<i>монэн(ым)</i> <i>тонэн(ыд)</i>	<i>милемын</i> <i>миленымы</i> <i>тйледын</i> <i>тйленыды</i>		
кар.	<i>монтэк</i> <i>тонтэк</i>	<i>митэк</i> <i>тйтэк</i>		
аппр.	<i>монлань</i> <i>тонлань</i>	<i>милань</i> <i>тйлань</i>		
адвер.	<i>монъя</i> <i>тонъя</i>	<i>мия</i> <i>тйя</i>		

Причину столь существенных различий в коми и удмуртском языках, как и в первом случае, по-видимому, следует искать в диалектной разобщенности прапермского языкового континуума, в одном из ареа-

лов которого могла появиться возможность для инновационного развития, в частности, в результате сепаратных контактов. Форма генитива *mijan/tijan* 'наш/ваш', по нашему мнению, проникла в коми язык из каких-то (промежуточных, возможно, исчезнувших) прибалтийско-финских прадиалектов, ср. формы *n*-ового генитива, например, вепс. *m'ijan* 'наш', кар. *meijän* 'наш', *teijän* 'ваш' и др. Усвоение иноязычной формы в континууме родственных прадиалектов облегчалось фонетической и функционально-семантической близостью корневых элементов, а также наличием общего суффикса коллективной множественности *-ja*, например, пбф. **mijan* (*pojka*) > коми *mijan* (*pi*) 'наш сын'. О достаточно ранних и тесных сепаратных контактах коми и прибалтийско-финских языков свидетельствуют и другие грамматические схождения, которые неоднократно отмечались исследователями.⁵

3. Еще более ярким примером сепаратных контактов пракоми диалектов в общепермском континууме может служить местоимение 3-го лица, числовые формы которого в коми языке образуются супплетивно, в удмуртском — с помощью стандартного суффикса множественного числа имен (табл. 5).

Таблица 5

Склонение местоимений 3-го лица в пермских языках

	Коми язык		Удмуртский язык	
ном.	<i>сійӧ</i> 'тот, он'	<i>найӧ</i> 'они'	<i>со</i> 'тот, он'	<i>соос</i> 'те, они'
ген.	<i>сылӧн</i>	<i>налӧн</i>	<i>солэн</i>	<i>соослэн</i>
абл.	<i>сылысь</i>	<i>налысь</i>	<i>солэсь</i>	<i>соослэсь</i>
дат.	<i>сылы</i>	<i>налы</i>	<i>солы</i>	<i>соослы</i>
акк.	<i>сійӧс</i>	<i>найӧс</i>	<i>сое</i>	<i>соосты соосыз</i>
инстр.	<i>сійӧн</i>	<i>найӧн</i>	<i>соин</i>	<i>соосын</i>
кар.	<i>сытӧг</i>	<i>натӧг</i>	<i>сотэк</i>	<i>соостэк</i>
ком.	<i>сыкӧд</i>	<i>накӧд</i>	—	—
конз.	<i>сыла</i>	<i>нала</i>		
инес.	<i>сыын</i>	<i>наын</i>	—	—
элат.	<i>сыысь</i>	<i>наысь</i>	—	—
илл.	<i>сыӧ</i>	<i>наӧ</i>	—	—
аппр.	<i>сылань</i>	<i>налань</i>	<i>солань</i>	<i>соослань</i>
эгр.	<i>сысянь</i>	<i>насянь</i>	—	—
транз.	<i>сыӧд сыті</i>	<i>наӧд наті</i>	—	—
терм.	<i>сыӧдз</i>	<i>наӧдз</i>	—	—
прекл.	<i>сыся</i>	<i>нася</i>		
адвер.	—	—	<i>соя</i>	<i>соосъя</i>

Известно, что становление местоимений 3-го лица единственного числа из указательных в финно-угорских языках происходило неравномерно. В прадиалектах прибалтийско-финских и мордовских языков, в которых этот процесс начался достаточно рано, для разграничения лич-

⁵ Например, функционально-семантическая близость *m*-овых вербальных имен, некоторых падежей (аблатива, элатива и датива и др.), наличие *s*-ового форманта в глаголах 3-го лица, которое проблематично объяснить как в южно-эстонских, так и в коми диалектах, особенности порядка слов и др. (об этом Федюнева 2008 : 173—174).

ных и указательных местоимений был использован суффикс местоимений 1-го и 2-го лица **-n* (табл. 6), ср. фин. *hän* 'он, она' ↔ *se* 'тот'; морд. *son*, 'он, она' ↔ *se* 'тот', в пермских же и марийском в роли личных до сих пор используются указательные местоимения. Более того, в пермских языках наряду с *s*-овым может выступать *t*-овое указательное местоимение, как в марийском и южной группе прибалтийско-финских языков (табл. 6), например, удм. *таос кенешыны кутскизы* 'они стали совещаться'; комиЗ *тайӧ зэв сюсь да збой* 'он очень толковый и бойкий'.

Таблица 6

Личные местоимения 3-го лица в финно-угорских языках

Языки	Единственное число	Множественное число
саам.	<i>sonn</i>	<i>sji</i>
фин.	<i>hän</i> < <i>*sen</i>	<i>he</i>
вепс.	<i>hän</i> < <i>*sen</i>	<i>hi/hija-</i>
кар.	<i>hiän</i> < <i>*sen</i>	<i>hüö</i>
иж.	<i>hän</i> < <i>*sen</i>	<i>hö</i>
морд.	<i>son</i>	<i>sijn</i>
мар.	<i>tudo</i>	<i>nuno</i>
эст.	<i>tema</i> ~ <i>ta</i>	<i>nemad</i> ~ <i>nad</i>
вод.	<i>tämä</i>	<i>nämäd</i>
лив.	<i>täma</i> ~ <i>ta</i>	<i>ne</i>
коми	<i>sija</i> (<i>taja</i>)	<i>naja nija</i>
удм.	<i>so</i> (<i>ta</i>)	<i>soos</i>
манс.	<i>taw</i>	<i>tän</i> / двойственное число <i>tēn</i>
хант.	<i>lŭw</i>	<i>lŭw(ət)</i>
венг.	<i>ő</i>	<i>ők</i>

По нашим наблюдениям, коми местоимения являются более личными, нежели удмуртские: местоимение *naje* 'они' — собственно-личным, *sije* 'тот, он' — указательно-личное, тогда как удмуртские соответствия, по существу, остаются указательными. Как пишет Р. Бартенс, в отличие от удмуртского коми язык последовательно различает личные и указательные местоимения: числовая оппозиция *s*- ~ *n*- есть только у личных местоимений (Bartens 2000 : 163).

Обособление местоимений 3-го лица от собственно указательных в коми языке получило дополнительный импульс за счет вовлечения в этот процесс *n*-овой основы. В качестве указательного местоимения эта основа обнаруживается во всех прибалтийско-финских, волжских и пермских (кроме удмуртского) языках, следовательно, это наследием финно-пермского периода (UEW 300). Однако как личное местоимение 3-го лица множественного числа она выступает только в коми, марийском и южной группе прибалтийско-финских языков: коми *naja*, *naje*; мар. *nuno*, *nünə*; эст. *n(em)ad*, вод. *nämä(d)*, лив. *ne* 'они'. В остальных языках финно-пермской группы числовые формы местоимения 3-го лица образованы от одной *s*-овой основы. Логично предположить, что «коми язык в период формирования этой формы находился в одном ареале развития с марийским и южной группой прибалтийско-финских языков» (Хаузенберг 1999 : 160).

Поскольку в прибалтийско-финских языках, как отмечено выше, становление личных местоимений 3-го лица из указательных началось

раньше, чем в марийском и пермских, возможно, источником южно-прибалтийско-финско-коми-марийской инновации послужили именно южные прадиалекты прибалтийско-финских языков.

Инновация сопровождалась структурными преобразованиями. Значение множественности⁶ в прибалтийско-финских языках было усилено плюральным именными суффиксом имен **t*, в марийском — удвоением основы, а в коми языке в этой функции выступил суффикс коллективной множественности *-ja*. По закону аналогии взаимосвязанных форм суффикс был перенесен на другие указательные местоимения, что в конечном счете и привело к тем расхождениям, которые мы имеем сегодня в коми и удмуртском языках: коми *sije, naje* ~ удм. *so, soos* (подробнее Федюнева 2007).

4. Приведем еще один пример праязыковой реконструкции, которая может иметь иную интерпретацию, если принять во внимание объективную вариативность языка на всех стадиях его развития.

Достаточно давнюю традицию в пермистике имеет реконструкция общепермских вокалических местоименных основ, возводимых к уральским указательным частицам **e* 'этот, тот' ~ **o* ~ **u* 'тот' (UEW 67, 332). Рефлексы обнаруживаются в составе производных демонстративов — наречий, адъективов и количественных слов, к которым относят коми постпозитивную частицу *э-* (напр., *э-тайӧ* 'вот этот') и анлаутный гласный *о-* в удмуртских формах типа *отын* 'там'. По нашему мнению, эти элементы в коми и удмуртском языках имеют отдельное происхождение и относятся к достаточно позднему периоду. Во всяком случае, наличие частицы *э-* в коми языке мы склонны объяснять длительным и тесным контактированием носителей пракоми диалектов с севернорусским населением.

Как видно из табл. 7, пермские демонстративы образованы от общих указательных основ (общеперм. **ta* 'этот' > коми *ta* ~ удм. *ta*; общеперм. **su* 'тот' > коми *se* ~ удм. *so*) и однотипны по структуре, следовательно, являются общепермским наследием. Однако в коми языке имеются дополнительные парадигмы, образованные от указательных местоимений с препозитивной частицей *э-*: *тайӧ* 'этот' — *этайӧ* 'вот этот', *сийӧ* 'тот' — *эсийӧ* 'вон тот' и т. д.

Таблица 7

Основные местоименные наречия места в пермских языках

	общеперм. * <i>ta</i> 'этот'		общеперм. * <i>su</i> 'тот'		
	коми	удм.	коми	удм.	
здесь — там:	(э)татӧн (э)тані	татын —	сэтӧн сэні	эстӧн(і) —	(с)отын —
сюда — туда:	(э)татчӧ	татчы	сэтчӧ	эстчӧ	(с)отчы
отсюда — оттуда:	(э)татысь	татысь	сэтысь	эстысь	(с)отысь
досюда — дотуда:	(э)татчӧдз	татчыозь	сэтчӧдз	эстчӧдз	(с)отчыозь
от этого — от того места:	(э)татысянь	татысэн	сэтысянь	эстысянь	(с)отысэн
по этому — по тому месту:	(э)тати	татӱ	сэти	эсти	(с)отӱ

⁶ Как известно, в праязыке указательная основа **n-* не имела явно выраженного плюрального значения (UEW 300—301 и др.).

Проникновение этой частицы в коми язык (в отличие от удмуртского, где она не представлена вовсе) и ее тотальное распространение привело к перестройке общепермской системы, особенно *c*-овых форм, в которых произошло 1) выпадение корневого гласного *-э*: *сэтӧн* 'там' → **э-сэтӧн* → *эстӧн* 'там'; *сэтчӧ* 'туда' → **э-сэтчӧ* → *эсчӧ* 'туда'; *сэтчӧдз* 'дотуда' → **э-сэтчӧдз* → *эстчӧдз* 'дотуда' и т. д. и 2) выпадение начального *c*-.: *сэтчӧ* → *этчӧ* 'туда'; *сэтчӧдз* → *этчӧдз* 'дотуда'; *сэсянь* → *эсянь* 'оттуда' и т. д.⁷

Эти процессы усилили диалектную вариативность и в конечном счете привели, к дивергентным явлениям в общекоми языковом континууме. В коми-пермяцком языке *э*-овые местоимения практически вытеснили чистые *t*-овые и *c*-овые формы, в результате чего оппозиция по дальности указания оказалась в значительной степени размыта (комиЗ *татӧн* 'здесь' — *сэтӧн* 'там'; комиП *эстӧн* 'здесь, там' — *сэтчин* 'там'), а сама частица стала маркером ближнего указания, как в русском языке (рус. *тот* — *этот*, комиП *сія* 'тот' — *эсія* 'этот').

Удмуртский язык лучше сохранил первоначальную систему указательных местоимений (*та* 'этот, эта, это' — *со* 'тот, та, то'; *татын* 'здесь' — *отын*, диал. *сотын* 'там'), хотя в *c*-овых демонстративах также произошло тотальное отпадение начального *c*-, которое объяснимо как внутрисистемной перестройкой, так и сепаратными контактами (подробнее Федюнева 2009).

Отсутствие следов вокалических дейктических основ в пермских языках не служит доказательством их отсутствия в финно-угорском или уральском праязыках, но может косвенно свидетельствовать о диалектной вариативности более ранних языковых состояний.⁸

В заключение попытаемся сделать некоторые выводы. Разумеется, приведенный материал слишком мал, чтобы проследить процесс расхождения пермских языков. Приведенные примеры расхождений в близкородственных языках относятся к разным историческим периодам. Если первый пример следует связать с прапермскими диалектными различиями, восходящими, видимо, к диалектной неоднородности предыдущих языковых состояний, то последний, несомненно, относится к постэтногенетическому времени, когда коми и удмуртский уже сформировались как самостоятельные языки. Парадигмы местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа и 3-го лица (примеры 2 и 3), по-видимому, формировались в пракоми и праудмуртском ареалах в тот период, когда целостность общепермского континуума ослабла, наиболее удаленные части его обособлялись, вступая в сепаратные связи с другими «непермскими» племенами. Эти примеры свидетельствуют не о распаде прапермской языковой общности, а только об объективной вариативности праязыка, неравномерности развития диалектных вариантов, непрерывности процессов дивергенции (и конвергенции) в условиях живых контактов. Вместе с тем они вступают в противоречие с такими устоявшимися понятиями, как ограниченная прародина и додиалектная однородность.

⁷ Второй процесс представлен, в основном, в южно-коми диалектах.

⁸ К слову сказать, реконструкция вокалических местоименных основ для финно-угорского праязыка также вызывает вопросы, поскольку из финно-угорских языков они последовательно представлены только в венгерском.

В одной из статей С. К. Белых пишет: «Пермская (эндопермская) общность накануне своего распада была, по всей видимости, общностью компактно расселенной и не занимала большой территории. На мысль об этом постоянно наводит сам факт чрезвычайной близости пермских языков и практической невыявленности в коми и удмуртском языках никаких следов явлений, указывающих на сколько-нибудь значительную диалектную дробленность пермского праязыка, какую следовало бы ожидать в случае охвата пермской прародиной обширных территорий. В пользу того, что пермская территория была ограниченной и, по-видимому, не выходила за пределы Пермского Прикамья, свидетельствует практически полное отсутствие в пермских языках общих для них прибалтийско-финских, протосамских, древнемарийских и обско-угорских заимствований» (Белых 1999 : 14).

В данном случае с автором можно согласиться только в одном, а именно, с его утверждением о практической *н е в ы я в л е н н о с т и* явлений, указывающих на диалектную вариативность пермского праязыка. По нашему убеждению, они имеются, во всяком случае, на них указывают многие ареальные прибалтийско-финско-коми параллели (напр., Hausenberg 1995; Дубровина, Лудыкова 1990 и др.). Об этом же говорит проблематичность реконструкции общепермской фонетической системы, особенно вариативность гласных, не позволяющая восстановить общий фонд без вариантов (Bartens 2000 : 55—61).

Отсутствие же общих заимствований в пермских языках как раз свидетельствует против постулата территориально ограниченной прародины. Учитывая изначальную полидиалектность праязыка, понятно, что прапермский словарь не был (и не мог быть) абсолютно общим для всего континуума, особенно в части заимствований. Об этом говорят современные языки, в которых имеются не только общие для коми и удмуртского языков слова (составляющие, безусловно, основной общепермский фонд), но и многочисленные заимствования, свидетельствующие о ранних сепаратных контактах отдельных групп пермян с соседними народами (см. Hausenberg 1985; 1990 и др.). К сожалению, контактная лексика пермских языков изучена слабо, как и их грамматическая система с учетом влияния контактирующих языков.

Adress

Galina Fedjunjova
Komi Science Centre, Institute of Language, Literature and History
E-mail: fedyuneva@mail.illhkomisc.ru
Phone +7 (8212) 24-50-88

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Б е л ы х С. К. 1999, К вопросу о локализации прародины пермян. — Пермский мир в раннем средневековье, Ижевск, 245—281.
— — 2009, Проблема распада прапермской языковой общности, Ижевск.
Д у б р о в и н а З. М., Л у д ы к о в а В. М. 1990, Некоторые черты иконного родства в синтаксисе прибалтийско-финских и пермских языков (*m*-овый инфинитив). — Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. Москва, 60—65.

- М а й т и н с к а я К. Е. 1962, Функции местоименного суффикса *-n* в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград, 65—80.
- Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974.
- Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки), Москва 1976.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1963, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- Т р у б а ч е в О. Н. 2002, Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования, Москва.
- Ф е д ю н е в а Г. В. 2007, Коми *sije, naje* ~ удмуртское *so, soos*: 'тот, та, то, те' → 'он, она, они'. — LU XLIII, 283—295.
- — 2008, Первичные местоимения в пермских языках, Екатеринбург.
- — 2008а, О прибалтийско-финском компоненте в коми языке. — Известия Уральского гос. ун-та. № 55. Серия 2. Гуманитарные науки. Вып. 15, Екатеринбург, 172—180.
- — 2009, О рефлексах прауральских дейктических частиц **e* 'этот, тот' ~ **o* ~ **u* 'тот' в пермских языках. — ВЯ, № 1, 91—97.
- Х а у з е н б е р г А.-Р. 1999, Некоторые вопросы истории коми языка в свете теории контактов. — В. И. Лыткин и финно-угорский мир, Сыктывкар. 158—162.
- B a r t e n s, R. 2000, Permiläisten kielten rakenne ja kehitys, Helsinki (MSFOu 238).
- C s ú c s, S. 2005, Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache, Budapest.
- H a u s e n b e r g, A.-R. 1985, Die ostseefinnisch-permischen Kontaktwörter in Zeit und Raum, Tallinn (Eesti NSV Teaduste Akademia. Preprint KKI-30).
- — 1995, Onko komin ja itämerensuomalaisissa kielissä areaalisia yhteispiirteitä. — CIFU VIII. Pars IV, 180—182.
- R é d e i, K. 1995, Zur Geschichte der finnougri-schen Personalpronomina. — LU XXXIV, 341—352.
- U o t i l a, T. 1936, Zur Deklination der Personalpronomina in der permischen Sprachen. — NyK 50, 464—476.